

ЕГОР САРТАКОВ

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

ОСИП СЕНКОВСКИЙ И ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ КАК «ПЕРСОНАЖИ» РОМАНОВ СТЕПАНА БУРАЧКА

Стратегия и тактика литературно-журнальной борьбы в русской действительности 1830–1840-х гг. имела свои специфические, присущие только этому периоду особенности. В условиях размежевания журналов, обостренного разделения публицистов по «партиям» полемики было не избежать. Тем не менее подобная полемика властью не поощрялась, известна нелюбовь Николая I ко всякого рода журнальным «перестрелкам». Поэтому иногда она выливалась в оригинальные формы скрытой полемики, когда публицисты привлекали литературные жанры для решения своих сутобо журнальных задач. Подобные произведения, не обладающие особенными художественными достоинствами и представляющие, скорее, публицистику в литературной форме, редко попадали в поле зрения историков литературы. Вместе с тем в последнее время филологи говорят о необходимости расширения традиционного понимания истории литературы, в том числе за счет включения в круг обсуждаемых вопросов таких дискурсов, как поэтика публицистических выступлений писателя в соотношении с его художественной прозой, роль журналистики в создании литературной репутации, история публикаций и «выход» писателя в публичную сферу и др.¹. Луи Монроз указывает, что одной из тенденций научного знания последних десятилетий становится «стремление одновременно и утвердить, и проблематизировать связи между литературными и иными дискурсами, диалектические взаимоот-

¹ Е.И. Орлова, *Литература, журналистика и филология: поле взаимодействия* // «Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник [кафедры истории русской литературы и журналистики]» 2012, с. 9–19.

ношения между текстом и миром»². Поэтому в нашей статье мы коснемся еще одного любопытного феномена взаимодействия литературы и публицистики, когда жанр романа использовался для решения тактических журнальных задач.

Речь пойдет о двух романах практически забытого сегодня редактора консервативного журнала «Маяк» (1840–1845 гг.) Степана Анисимовича Бурачка, к имени которого в русской литературе навсегда прилип ярлык «полупомешанного обскуранта», который «так и умер, не оставив о себе никакого литературного имени, несмотря на редакторство»³. Напротив, в 1840-е гг. имя Бурачка было на слуху: одно то, что Белинский примерно в двадцати публикациях упоминал журнал «Маяк современного просвещения», называя его «Плошкой всемирного просвещения, вежливости и учтивства», а Бурачка именуя «китайским именем Дзун-Кин-Дзын»⁴ (производное от *сукин сын*), говорит о том, что публицисты «Маяка» активно включились в развернувшуюся в этот период полемику по целому ряду насущных социокультурных вопросов, волновавших русское общество.

Бурачок начал свой путь в мире литературного Петербурга в 1838 г. романом *Повесть без заглавия*. Хотя сам автор определил жанр произведения как повесть, на самом деле это довольно пухлый нравоописательный роман (около 600 страниц рукописного текста) с несколько архаичным для 1830-х годов авантюрным сюжетом. Произведение было запрещено к публикации и обнаружено нами в фонде Бурачка в рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН).

В произведении Бурачок скрылся за маской издателя, а автором числится его приятель, «живущий в Вильно, недалеко от университетского здания»⁵, Терентий Данилыч — псевдоним, которым Бурачок будет часто подписывать свои публикации в 1840-е гг. в «Маяке». Представляется, город Вильно упомянут

² Л.А. Монроз, *Изучение Ренессанса: поэтика и политика культуры*, «Новое литературное обозрение» 2000, № 42, с. 23.

³ Р.В. Зотов, *Из воспоминаний*, «Исторический вестник» 1890, т. 39, с. 333–334.

⁴ В.Г. Белинский, *Полное собрание сочинений в 13 т.*, Изд-во АН СССР, Москва 1954, т. 4, с. 313.

⁵ С.О. Бурачок, *Повесть без заглавия. Часть 1. 1838 г.*, РО ИРЛИ, ф. 34, ед. хр. 14, л. 1. В дальнейшем цитируем текст романа по этой рукописи с указанием в скобках единицы хранения и листа после цитаты.

Третьим действующим лицом романа является «секретарь и наперсник Барона черт Бубантес, которого он для содействия в каких-то важных преобразованиях, нарочно выписал у Его Мрачности Сатаны, как чиновника по особым поручениям» (ед. хр. 14, л. 5 об.). Этим персонажем Бурачок прямо отсылает нас к герою повестей Сенковского *Большой выход у Сатаны* и *Записки домового* — «нечистому духу журналистики» черту Бубантусу, который исполнял у Сенковского при Сатане двойную должность: «придворного клеветника и издателя ежедневной газеты», официального печатного органа ада, под заглавием «Лгун из лгунов»⁸.

Наконец, четвертым главным героем романа Бурачка стала Ольга Петровна Русская — «княжна, а старый ее дворецкий величает ее обыкновенно по батюшке: Публика Петровна, и говорит, что в Святках есть латинское имя Публика» (ед. хр. 14, л. 6). Такое аллегорическое изображение русского читателя в виде женского образа, как кажется, тоже отсылает нас к тексту Сенковского — прежде всего к опубликованной в 1833 г. в первом томе альманаха «Новоселье» *Незнакомке*, которая в свою очередь представляет переделку *Асмодея* Жюлья Жанена. В произведении Сенковского главной героиней является Книга из Книжной лавки Александра Смирдина, которая рассказывает об истории и современном состоянии русской литературы⁹.

Главный упрек, который бросает Бурачок Сенковскому, — это, конечно, распространение в России «легкого чтения». Знаменателен эпиграф ко второй части романа: «Привычка к легкому чтению все равно что к табаку, вину, картам» (Ед. хр. 15, л. 3). Эта часть открывается пространством рассуждением автора (что в целом типично для художественных произведений Бурачка) о пагубности «легкого чтения»: «[...] и романы для чтения, и Библиотеки для чтения, и стихи для чтения [...]. А чтение для чего? для чего! для препровождения времени так же, как карты, сплетни, визиты, прогулки по Невскому, по балаганам» (Ед. хр. 15, л. 134 об.). То, что Бурачок назвал «легким чтением», можно, конечно, с оговоркой охарактеризовать как массовую литературу, которая получила развитие в России в 1830-е гг. во многом благодаря Сенковскому-писателю и Сенковскому-жур-

⁸ Там же, В типографии Императорской Академии наук, Санкт-Петербург 1858, т. 1, с. 408–409.

⁹ Там же, т. 1, с. 355–381.

налисту и его коммерчески удачному проекту — «Библиотеке для чтения».

Пагубность «легкого чтения» была излюбленной мыслью Бурачка и в период редактирования «Маяка». Так, в обозрении русской литературы на 1840 г., Бурачок замечал: «Из тысячи смертных изобретений новейшего романтизма *легкое чтение* — самое нелепое, самое вздорное и, прибавлю, самое вредное изобретение для литературы!»¹⁰.

История цензурирования этой рукописи, подробно отраженная в фондах РГИА, заслуживает отдельной статьи, так как Бурачок по настоянию цензоров несколько раз переписывал роман¹¹. Однако вкратце отметим, что ему очевидно не повезло — рукопись попала на цензурирование Александра Никитенко, который был связан с Сенковским «неплохими личными отношениями», «особой формой приятельства»¹². Никитенко, конечно, роман запретил к публикации, решительно возмущившись портретом Сенковского. На заседании цензурного комитета 13 декабря 1838 г. он докладывал:

Автор дает книге своей характер комический, обвиняя прямо в этом направлении литературы одно из известных лиц в нашей литературе, которое он поражает как редактора «Библиотеки для чтения», как писателя и как человека. [...] Разумеет же он это лицо так, что если бы Правительство согласилось с четвертой долей убеждений автора, то трудно бы было даже приискать для него наказания в существующем уголовном законе¹³.

Дальнейшие попытки Бурачка опубликовать повесть не увенчались успехом. Точку в этом вопросе поставил Министр народного просвещения Сергей Уваров, запретивший ее публикацию 1 августа 1839 г. на заседании Главного управления цензуры. В это время Бурачок уже был занят подготовкой первой части «Маяка», поэтому судьба повести волновала его немного.

В целом с началом 1840-х гг. фигура Сенковского как предводителя «лагеря» писателей, проповедовавших «легкое чтение», мало интересовала Бурачка. Он справедливо почувствовал, что

¹⁰ С.Б. [С.А. Бурачок], *Книги литературные*, «Маяк» 1840, ч. 4, с. 200–201.

¹¹ РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1439, л. 1–57.

¹² А.В. Шаронова, О.И. Сенковский в письмах к А.В. Никитенко (1833–1848) // В.Д. Рак (отв. ред.), *Пушкин: Исследования и материалы*, Наука, Санкт-Петербург 2004, с. 399.

¹³ РГИА, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1439, л. 30.

когда-то популярный Сенковский отходит на второй план, у читателей появились новые кумиры. Одним из таких кумиров в журналистике стал Виссарион Белинский — главный объект критики Бурачка в 1840-е гг. Именно он, по мысли Бурачка, занял место Сенковского и продолжил пропаганду «легкого чтения».

Такое произвольное соединение (Белинского и Сенковского) может показаться явным недоразумением. Тем не менее, например, Александр Герцен, еще один оппонент Бурачка (правда, уже в 1850–1860-е гг.), также считал, что Белинский оттеснил с журнального Олимпа Сенковского. В известной статье *Very dangerous!!!* Герцен сблизил имена редактора «Библиотеки для чтения» и критика «Отечественных записок»¹⁴.

Бурачок вел полемику с Белинским прежде всего в отделе критики и публицистики¹⁵. Однако и отдел беллетристики не остался в стороне. В 1845 г. Бурачок опубликовал собственную повесть с явно полемическим по отношению к роману Михаила Лермонтова названием — *Герои нашего времени*. Обычно в лермонтоведении эту повесть обозначают как пародию или памфлет¹⁶. На наш взгляд, такая жанровая характеристика ошибочна; повесть Бурачка представляет собой совершенно самостоятельное произведение, отличающееся, однако, явной полемической направленностью против романа Лермонтова.

В своей повести Бурачок хотел показать «героев времени» такими, какими он их понимал (в прямом, а не в ироничном контексте, как у Лермонтова). Причем уже в названии (*Герои нашего времени*) очевидно стремление автора подчеркнуть «массовидность» таких героев, их «неисключительность». В отличие от Лермонтова, который показал, что Печорин одинок, в произведении он не встречает людей своего уровня, Бурачок выводит сразу несколько персонажей, которые могут претендовать на звание «героя времени».

В противоположность роману Лермонтова, состоящему из пяти отдельных новелл, Бурачок композиционно разделил повесть на три части, дидактическая направленность которых оче-

¹⁴ А.И. Герцен, *Полное собрание сочинений в 30 т.*, Изд-во АН СССР, Москва 1958, т. 14, с. 119–120.

¹⁵ С.А. Бурачок, *Система философии Отечественных записок*, «Маяк» 1840, ч. 9, с. 1–48.

¹⁶ И.В. Попов, *Бурачок С.А.* // В.А. Мануйлов (гл. ред.), *Лермонтовская энциклопедия*, Советская энциклопедия, Москва 1981, с. 73.

видна, уже судя по их заглавиям: *Искушение, Моральное падение, Добро и Зло*.

В центре сюжета — история дворянской семьи Панских. Конфликт повести строится на борьбе за Марию Васильевну, молодую дочь Панских, двух противоборствующих лагерей: людей печоринского типа и истинных «героев времени». Главным отрицательным персонажем (а персонажи повести разделены автором на «хороших» и «плохих» с классицистической прямолинейностью), заводилой группы людей печоринского типа является Медведка — журналист, критик и учитель словесности Марии Васильевны. Разумеется, обучение ведется на «пагубных» примерах из произведений Батюшкова, Пушкина и Лермонтова:

Повторения и применения этой теории, при каждом чтении примеров, обыкновенно избиравшихся из Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, повторялись ежедневно, становились яснее, живее, плодотворнее. Мария убедилась или согласилась, что страсти — прелесть, украшение и сущность жизни человека¹⁷.

О компании Медведки автор не без сарказма замечает: «На каждом шагу цитировали Пушкина, Лермонтова, Батюшкова, вспоминали Парни, Беранже; шампанское между тем оттушевывало восторги» (37, с. 75). Постоянные выпады Бурачка против Пушкина и Лермонтова доходят до абсурда. Так, Медведке практически удалось совратить Марию Васильевну, читая с ней *Евгения Онегина*: «Ни одна острота, эпиграмма, двусмысленность, картина [*Евгения Онегина*] не оставались незамеченными» (38, с. 146)¹⁸. В таком же абсурдном контексте встречается

¹⁷ С.А. Бурачок, *Герои нашего времени*, «Маяк» 1845, кн. 38, с. 147. В дальнейшем цитируем текст романа по этому изданию с указанием в скобках номера книги журнала и номера страницы после цитаты.

¹⁸ В данном фрагменте, представляется, содержится реминисценция из *Кандида* Вольтера. В экспозиции повести Кунигунда увидела, как в кустах Панглос «давал урок экспериментальной физики горничной ее матери [...]. Так как у Кунигунды была большая склонность к наукам, то она, притаив дыхание, принялась наблюдать без конца повторявшиеся опыты» (Вольтер, *Избранные сочинения*, пер. с фр. Ф. Сологуба, Рипол Классик, Москва 1997, с. 23). Отношение Бурачка к Вольтеру, как и ко всей философской мысли эпохи Просвещения, было отрицательным, потому что французский философ «проповедовал разврат и безбожие» (Цит. по: Е.В. Сартаков, «*Сие от пера Бурачка, а в печати никогда не будет*» // «Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник [кафедры истории русской литературы и журналистики]» 2016, с. 310). См. также: С.А. Бурачок, *Критичес-*

в повести и название лермонтовского романа: один из героев рассказал, как пагубно влияние *Героя нашего времени* на неокрепшие женские умы: «Она влюбилась в приезжего офицера, тот обманул ее и уехал; она стала читать *Героя нашего времени* и сошла с ума» (38, с. 121–122).

В исследовательской литературе уже высказывалась идея (правда, без достаточной аргументации), что прототипом Медведки стал давний оппонент Бурачка — Белинский¹⁹. Внимательное чтение реплик Медведки, действительно, позволяет обнаружить в них скрытые аллюзии на Белинского. Например, оценивая свое ремесло критика, Медведка задается вопросом: «Наше дело неблагородное: работа не початая — хотя бы история русской литературы: что об ней писано? Да как же [...] и писать-то историю литературы, когда самой-то литературы нет» (37, с. 74–75). «У нас нет литературы»²⁰, — так полемически вошел Белинский в критику со своими *Литературными мечтаниями*, опубликованными в «Молве» в 1834 г.²¹. И дальше Медведка продолжает, почти дословно цитируя Белинского: «Литературы нет, конечно, а историю ее писать можно и должно» (37, с. 75). Кумиром героя объявляется Гегель и его знаменитая формула (которую, как известно, разделял на определенном этапе Белинский) — «все действительное разумно, все разумное действительно»:

Лист падает с дерева и лист возрождается на дереве. Свет небесных звезд появляется ночью и пребывает днем, хотя мы и не видим. [...] В природе все, что есть, то необходимо и разумно. [...] Вот и это шампанское: оно

кий обзор народного значения Вселенской Церкви на Западе и на Востоке, «Маяк» 1845, кн. 43, с. 94, 95, 96.

¹⁹ Впервые, насколько нам известно, эта точка зрения была высказана в работе: С.А. Андреев, *Лермонтов и реакция*, «30 дней» 1938, № 7, с. 88–90. Об этом же см.: E. Heier, *The Second Hero of Our Time*, «The Slavic and East European Journal» 1967, № 1, p. 38–41.

²⁰ В.Г. Белинский, *Полное собрание сочинений в 13 т.*, Изд-во АН СССР, Москва 1953, т. 1, с. 22.

²¹ До Белинского эту формулу, по-разному ее интерпретируя, высказал Александр Бестужев-Марлинский (1824 г.), несколькими годами позднее Дмитрий Веневитинов, в 1830 г. — Иван Киреевский, по-новому истолковал ее в 1831 г. Николай Надеждин, а в 1832 г. — Николай Полевой. Тем не менее в контексте давнего спора Бурачка и Белинского можно считать бесспорным факт, что в данной реплике Медведки имелся в виду именно «неистовый» критик.

ОСИП СЕНКОВСКИЙ И ВИССАРИОН БЕЛИНСКИЙ...

возвышает, одушевляет, животворит мой дух — оно также разумно, необходимо, оно — мой Бог, поелику оно есть (37, с. 77).

Выделение Белинского как прототипа Медведки тем более примечательно, что «неистовый Виссарион» обошел молчанием повесть Бурачка, вообще не упомянув о ней в своей критике. Вместе с тем, насколько нам известно, и вся современная Бурачку литературная критика обошла повесть стороной, не появилось ни одного отклика на это произведение.

Таким образом, в романе Бурачок использовал уже отработанную им схему: скрытое публицистическое выступление в форме художественного произведения. Еще раз отметим: расширение традиционного исследовательского поля филологии за счет включения в него пограничных литературно-журнальных «форм» представляется нам крайне перспективным²². В целом надо сказать, что изучение художественного и публицистического наследия Бурачка позволило, с одной стороны, расширить наше представление о тактике литературно-журнальной борьбы 1830–1840-х гг., а с другой — уточнить место отдельных публицистов (Бурачка, Сенковского, Белинского) в этой борьбе.

Работа выполнена при поддержке РГНФ,
проект № 15-34-01210

Jegor Sartakow

OSIP SIENKOWSKI I WISSARION BIELIŃSKI
JAKO „BOHATEROWIE” POWIEŚCI STIEPANA BURACZKA

Streszczenie

W artykule omawiane są dwie powieści zapomnianego konserwatywnego publicysty i pisarza Stiepana Buraczka — *Opowieść bez tytułu* (*Повесть без заглавия*; utwór zakazany przez cenzurę w 1838 r., odnaleziony w Dziale Rękopisów Instytutu Literatury Rosyjskiej RAN) i *Bohaterowie naszych czasów* (*Герои нашего времени*;

²² Ср. также замечание Алена Виала: «Социология литературного поля стремится поместить текст в рамки всей совокупности процессов, обеспечивающих его признание или непризнание литературой. Осмыслить тематические и формальные особенности произведения в связи с суммой опосредований, совершающихся в этой литературной жизни — такова будет задача социальной прагматики литературы» (А. Виала, *Рождение писателя: социология литературы классического века*, «Новое литературное обозрение» 1997, № 25, с. 9).

utwór opublikowany w 1845 r. w czasopiśmie „Majak”). Prototypami głównych bohaterów obu utworów o silnie wyrażonym charakterze publicystycznym są, jak można sądzić, znani publicyści tych czasów — Osip Sienkowski i Wissarion Bieliński, z którymi Buraczok w ten sposób prowadził ukrytą polemikę. Analiza powieści Buraczka w takim kontekście pozwala, z jednej strony, lepiej zrozumieć taktykę literacko-czasopiśmienniczej walki lat 1830–1840, a z drugiej — określić miejsce konkretnych publicystów w tej walce.

Egor Sartakov

OSIP SENKOVSKY AND VISSARION BELINSKY AS “CHARACTERS”
OF STEPAN BURACHOK’S NOVELS

Summary

The article analyzes two novels of forgotten in our days conservative journalist and writer Stepan Burachok — *A tale without a title* (forbidden by censorship in 1838, discovered in manuscript department of Institute of Russian Literature of Russian Academy of Sciences) and *Heroes of our time* (published in 1845 in “Mayak” magazine). In both works with a pronounced publicistic character prototypes of the main characters appear to be famous journalists of that time, with whom Burachok had a hidden polemic — Osip Senkovsky and Vissarion Belinsky. The study of Burachok’s works in this context allowed, on the one hand, to expand our understanding of tactics of literary and journalistic struggle of 1830–1840, and on the other — to specify the role of individual journalists in this fight.